

Чу Лян медленно подошел к Дуду сзади, взял его на руки и покачал головой, глядя на Чу Фаня:

— Не знаю, как оно забралось к тебе на задницу, наверное, это самое мясистое место на всем твоём теле.

Чу Фань вздохнул. С каких это пор робкий и послушный ребенок стал таким язвительным? Впрочем, вслух он этого говорить не стал: даже если бы он сказал, Чу Лян нашелся бы что ответить. Сон после такого испуга как рукой сняло. Чу Фань смерил грозным взглядом Дуду, который с довольным видом мурчал на руках у Чу Ляна, подцепил пальцем край нижнего белья, с щелчком отпустил резинку и ушел в комнату переодеваться.

Чу Фань переоделся, и тут подросел Дэн Юй. Вместо грязи на нем была надета белая футболка — так он определенно выглядел намного приятнее. Дэн Юй унаследовал от мамы кожу, которая почти не загорала, а на еще не до конца похудевшем лице выделялись пухлые детские щеки. Белый цвет отлично оттенял его кожу, вот только выглядел он слишком мило, растеряв всю мальчишескую мужественность.

Вечерний спортзал сверкал огнями, команды из других уездов выстраивались в очередь для входа. Дэн Юй вовсю твердил, что ему нужно купить какого-то попкорна, и Чу Фань лишь беспомощно вздыхал, пока Чу Лян с унылым видом сидел на стуле. Учеба давалась ему легко, и раньше он участвовал в классных мероприятиях, но сегодня, вопреки обыкновению, ко всему этому охладел.

У входа в спортзал сновали люди. Дэн Юй пробирался сквозь толкучку, задействуя руки и ноги, но добравшись до лотка с попкорном, обнаружил, что из-за наплыва народа тот уже закончился, осталась лишь последняя бадья. Дэн Юй на ходу вытаскивал деньги и кричал:

— Эй, хозяин, эту бадью я беру!

Но пока он извлекал купюры, попкорн у него из-под носа успел перехватить кто-то другой.

В другое время Дэн Юй, возможно, не стал бы так сильно кипятиться, но сегодня выступала Чжан Мэнмэн, а попкорн был обязательным атрибутом — вопрос принципа и боевого духа.

Дэн Юй топнул ногой и схватил за полу одежды человека, который уже собирался повернуться и уйти. Тот, судя по всему, пришел на выступление: на нем был костюм-тройка, а ростом он едва доходил до метра шестидесяти, оказавшись выше Дэн Юя ровно на голову. Дэн Юй запрокинул голову, чувствуя, что выглядит недостаточно внушительно, вытаращил глаза и попытался изобразить свиредое выражение лица. Нарочно напустив на себя грозный вид при пухлых щеках, он стал чертовски похож на хозяина Двери-вездехода.

Того дернули за одежду, отчего он замер на месте. Хотя он ничего не сказал, любой дурак заметил бы, что лицо у него помрачнело. Но Дэн Юй решил стоять на своем:

— Я первый это купил! Понятие очереди вообще знакомо?

— Не знакомо. Я первый заплатил, будь добр убрать руки.

Уверенный и безапелляционный тон незнакомца на мгновение выбил Дэн Юя из колеи. Пальцы, вцепившиеся в край чужого пиджака, разомкнулись, и его руку отбросили в сторону. Пока Дэн Юй соображал, что к чему, след обидчика уже простыл.

Дэн Юй мысленно выругался раз этак сто, но эта палатка с попкорном была ближе всего, а до остальных идти предстояло довольно далеко. Боясь опоздать, ему пришлось купить пару бутылок напитка и войти в спортзал.

Чу Фань издалека заметил поникшую голову Дэн Юго. Подумаешь, не купил попкорн, чего убиваться так, будто его ограбили и изнасиловали? Дэн Юй тяжело вздохнул. По жребию Чжан Мэнмэн достался шестой номер — отличное число, ни в самом начале, ни в хвосте. Первые пять номеров выступали ученики из других школ, в основном с песнями и танцами. Чу Фаню было безумно скучно, а Чу Лян и вовсе едва не засыпал.

— Ой, Чжан Мэнмэн выходит! Смотри, первая в центре, та, что ведет танец — это она!

Дэн Юй вмиг потряхнул с себя уныние и едва ли не ноги готов был поднять в сторону Чжан Мэнмэн.

Чу Фань собрался с духом. Все одеты в одинаковые цвета, рост примерно один и тот же, у всех как на подбор конские хвосты — ну надо же, какое у Дэн Юго зоркое зрение. Танец Чжан Мэнмэн от выхода до ухода занял от силы минут пять, но Дэн Юй орал во всю глотку. Сидевшие рядом уже косились на него как на идиота, однако он продолжал вопить и уgomонился только тогда, когда на сцену вышла следующая команда.

Дальше шло выступление учеников третьего года. После перевода в другой класс Чу Лян редко виделся с Пэй Линем, поскольку те учились в разных корпусах. Третьеклассники исполняли номер Пусть мир наполнится любовью. У отца Дэн Юго были знакомые, поэтому билеты достались на довольно близкие места. Входя в зал, Пэй Линь обвел взглядом окрестности и, заметив Чу Ляна, расплылся в улыбке.

Посмотрев номера еще пары классов, Дэн Юй принялся жаловаться на скуку. Чу Фань ленился выводить его на чистую воду — ведь тому просто хотелось выйти и поглазеть на Чжан Мэнмэн. К концу выступлений все команды должны были пройти по кругу арены. Дэн Юй сторожил у входа и, прождав целую вечность, наконец дождался Чжан Мэнмэн, но та прошла мимо, задрал нос и даже не взглянув на него.

Чу Фань засунул руки в карманы и, стоя в ожидании Дэн Юго, заметил знакомое лицо — Инь Цзюня.

— Ты чего здесь? — Чу Фань искренне удивился появлению Инь Цзюня. Тот учился в другой школе, в совершенно другом городе, до которого отсюда было очень далеко. Даже в День

защиты детей возвращаться смысла не было, к тому же он уже перешел в первый класс средней школы.

— Приехал с учителем. Кого-то ждешь?

— Ага, вон они идут, — сказал Чу Фань, махая рукой в сторону Дэн Юго и Чу Ляна.

— Это еще кто? — Дэн Юй никак не ожидал, что парень, которого он мысленно презирал бесчисленное количество раз, окажется двоюродным братом Чу Фаня. Тем самым смазливый братом, над чьим именем он еще недавно потешался, считая его верхом бесстыдства.

Инь Цзюнь тоже узнал Дэн Юя, но удостаивать вниманием этого сопляка у него не было никакого желания. Чу Лян заметил Инь Цзюня, еще только выходя из дома. Он испытывал к нему определенное отторжение — просто потому, что от взглядов Инь Цзюня ему казалось, будто кто-то бесцеремонно шарит по его потаенным секретам. Нет, не шарит украдкой, а пялится открыто, нагло и беспардонно, словно выставленное напоказ сокровенное стало доступно чужому взору. И при этом у него не было никакой возможности остановить это ощущение.

Чу Лян ловко использовал Дэн Юя в качестве живого щита и потащил Чу Фаня домой: Инь Цзюню нужно было возвращаться в тот же вечер, так что Чу Фань не стал его задерживать и позволил парочке уволочь себя. На прощание Дэн Юй не забыл яростно зыркнуть на Инь Цзюня. Сделать тому он ничего не мог — силой не вышел, выругаться тоже не смел, но хоть пару раз посмотреть испепеляющим взглядом от куска не отвалится.

Инь Цзюнь с любопытством проводил взглядом семенящую вприпрыжку фигуру Дэн Юго и с усмешкой шагнул в спортзал.

В понедельник днем Телеграфный Столб (пс: ласковое прозвище, которым ученики наградили уважаемого классного руководителя. Да-да, именно ласковое) взошел на подиум, тяжело вздохнул раз, тяжело вздохнул второй и мрачно произнес:

— Ученики, спешу сообщить вам пренеприятнейшее известие. Начиная с этого года, при поступлении в среднюю школу при начальной школе №1 нужно будет сдавать экзамены. Проходной балл обязателен, а те, кто его не наберет, могут подыскивать себе учебные заведения за пределами нашей школы.

Слова Телеграфного Столба подействовали на класс точно так же, как капля воды, брызнувшая в кипящее масло: помещение тут же взорвалось. Средняя школа при первой начальной котировалась выше всех в округе, и ученики, наивно полагавшие, что после поступления в начальную школу №1 их ждет беззаботная жизнь, в один миг помрачнели с лицами обреченных.

Чу Фань воспринял новость стоически — была не была, чему быть, того не миновать. За ужином он выложил всё матери. Половник в ее руке незаметно для глаза дрогнул, а отец на миг

задумался, опустив голову:

— Сяо Фань, не бери в голову. Сможешь сдать — пойдешь учиться, нет — заставлять не станем.

Отец говорил вроде бы успокаивающие вещи, но Чу Фань собственными глазами видел, как у мамы дрогнули руки при упоминании этой новости. В вопросах учебы мать никогда не давила на него: лишь бы не сбегал с уроков раньше времени и не прогуливал, а домашку делает как положено. Что же до оценок, она позволяла ему плыть по течению — он вовсе не был тупицей, просто до жути ленился шевелить мозгами.

Мать молча продолжала есть, и лишь когда Чу Фань уже закончил трапезу и собрался уходить в комнату, она тихо обронила:

— Чу Фань, ты и вправду не создан для учебы.

Шагнувший было за порог Чу Фань замер на месте, обернулся и натолкнулся на пристальный взгляд матери. Ему стало не по себе:

— А-ха-ха, мамин глаз — алмаз, это точно.

Тон матери, до того равнодушный, резко переменялся:

— Но я также верю, что мой сын вовсе не глуп. Какая-то паршивая средняя школа — разве это для тебя проблема? А?

Сказав это, она добавила уже про себя:

— Эх, ладно... Проходной балл в среднюю школу №1, наверное, будет высоким.

Последнюю фразу мать произнесла себе под нос, но Чу Фань ее прекрасно расслышал, разом растеряв и остатки гордости, и самоуважение. Набывшись, он упрямо вскинул подбородок:

— Твой сын вообще-то не дурак!

Услышав это, мать тут же подхватила:

— Вот именно! Так что средняя школа при первой начальной для тебя — плевое дело.

Чу Фань опешил, сообразив, что попался на мамин крючок, но отступить было поздно. Еще в тот момент, когда у нее дрогнули руки, он про себя решил: в эту среднюю школу он во что бы то ни стало должен поступить. Теперь же, если он провалится на экзаменах, мало того, что не оправдает материнских дифирамбов, так еще и впрямь останется круглым дураком. Чу Фань с поражением опустил голову — старые кони борозды не портят, а мать оказалась куда хитрее, чем он думал.

Чу Лян молча выслушал их диалог. На исходе сцены, в тот самый момент, когда Чу Фань

развернулся и ушел в комнату, мать подмигнула мальчику с ухмылкой закоренелого стратега. На лбу Чу Ляна проступили морщинки: тягаться с матерью — для этого Чу Фань еще слишком зелен.

На следующее утро, когда Чу Фань еще видел десятый сон, его задницу обожгло огнем. Проснувшись, он увидел занесенную для второго удара материнскую руку и судорожно отпрянул вбок, чудом избежав карающей длани.

— Мам, ты чего? Рано же еще! — Чу Фань сдвинулся к краю и нашарил на тумбочке будильник. Стоило ему взглянуть на время, как лицо мгновенно позеленело.

— Крупа, чего не разбудила?! Мам, подвинься, я же сейчас опоздаю!

Заметив, что Чу Фань поднялся, мать вернулась в гостиную и принялась чистить яйца — сначала для Чу Ляна, а потом и для него самого. Чу Лян сегодня наверстал два круга пробежки по южной кольцевой и вернулся домой чуть позже обычного. Он как раз вбежал в ванную ополоснуть лицо, пока Чу Фань запихивал в рот яйцо и катил велосипед к выходу. Когда Чу Лян вихрем запрыгнул на багажник, Чу Фань скривился:

— Крупа, клянусь, ты сейчас тяжелее меня.

Мать стояла у порога и показывала им большой палец:

— Счастливого пути, мои сокровища!

От этого жеста у Чу Фань защемило сердце. Насколько же он был непутевым, раз мать продолжала его хвалить даже после того, как снизила планку требований?

Приближались летние каникулы. С того дня, как Чу Фань дал обещание матери, он перестал пропускать занятия и уходить раньше с уроков, превратившись в образцового ученика. На родительском собрании учитель на все лады расхваливал перемены в Чу Фане, и мать вернулась домой с сияющей улыбкой до ушей.

Чу Лян почти каждый день ходил на курсы. На выцарапанной на стене надписи черным были выведены буквы имени Чу Фаня, а красным — Чу Ляна. Начиная со второго семестра пятого класса Чу Фань почти перестал расти, зато Чу Лян пустился догонять его семимильными шагами, и судя по надписям на стене, грозил вскоре перегнать старшего.

В следующий раз Чу Лян столкнулся с Цзоу Каем по дороге с дополнительных занятий. Цзоу Кай долго всматривался в пацанчика, прежде чем убедиться, что не ошибся, и окликнуть его. Изначально он собирался подрабатывать в школе во время каникул, но тоска по Гу Вэню не дала ему сосредоточиться на работе, и он вернулся раньше. У Гу Вэня оставались кое-какие нерешенные дела в учебном заведении, и он должен был вернуться лишь через пару дней.

После возвращения Цзоу Кая Чу Лян большую часть времени проводил у него, а не на курсах. Мальчик любил подолгу витать в облаках, изредка поливая книги. Если бы не встреча с Цзоу

Каем, он бы уже забыл ту сценку, подсмотренную в зале игровых автоматов. Сейчас, вспоминая об этом, он испытывал странное чувство... зависти.

— О чем задумался? — Цзоу Кай утер пот и опустился рядом с Чу Ляном.

Тот очнулся от воспоминаний и тяжело вздохнул:

— Эх...

Цзоу Кай усмехнулся — а сорванец-то научился вздыхать.

— Сяо Кай-гэ, это ведь ненормально, когда мужчина любит другого мужчину?

Чу Лян с детства отличался впечатлительной натурой. Он переходил в шестой класс, и ровесники вокруг всюду шушукались о том, кто в кого влюблен, кто кого за руку подержал, и прочие глупости. Единственное, что оставалось неизменным в их трепотне — это пара из мальчика и девочки, ни о каких мальчиках с мальчиками речи не шло.

Младшеклассницы из его класса Чу Ляна совершенно не привлекали. Когда кто-то из них заводил разговоры о симпатиях, в его голове всплывало лишь одно лицо — Чу Фань.

Цзоу Кай промолчал. Прошло много времени, и Чу Лян уже решил, что тот ушел, когда мужчина тихо выдохнул:

— Любовь — это просто любовь, в ней нет ничего нормального или ненормального.

Произнеся это, Цзоу Кай горько и насмешливо улыбнулся: в любви действительно нет деления на норму и патологию — есть лишь то, способны ли люди принять ее и признать.

Услышав такие слова, Чу Лян почувствовал невероятное облегчение.

(Прошу прощения, Нянь-нянь в последнее время и впрямь закрутилась, до чего же я устала. Закончу с делами на днях и обязательно выложу главу побольше, простите ради бога! Книга впервые опубликована на сайте романов 17К, читайте лицензионную версию первыми.)

Для Чу Фаня не было ничего утомительнее ежедневной беспросветной каторги: переписывать упражнения, зубрить параграфы, решать задачи. Все каникулы он провел в непрерывной борьбе с учебниками. Сегодня Чу Лян снова зависал у Цзоу Кая — стоило тому вернуться, как мальчишку словно магнитом тянуло к нему. Впрочем, Чу Фань уже не ревновал так безумно, как раньше, потому что и сам сутками не вылезал из дому.

Пожинав, Чу Фань по привычке заперся в комнате. На столе лежала раскрытая книга. Чу Лян молча следовал по пятам и шмыгнул вслед за ним. Он заметно подрос, но все равно оставался ниже Чу Фаня на голову. В последнее время мальчику полюбилось обнимать Чу Фаня со спины

— ему казалось, что от старшего приятно пахнет.

— Чего тебе? Спать хочешь — ложись, а мне еще пахать и пахать, — Чу Фань потер лицо, пытаясь прогнать остатки сна. Чу Лян то и дело норовил зайти со спины и заключить его в медвежьи объятия, и каждый раз Чу Фань язвительно бурчал, что это смахивает на трагическую мелодраму, где он сам выступает в роли бессердечной главной героини, а Чу Лян — бросившего ее героя-любownika.

Чу Лян чуть крепче сжал руки в кольцо и уткнулся носом в спину Чу Фаня, втягивая воздух — пахло легким порошком с ароматом жасмина.

Чу Фань не выдержал и рассмеялся:

— Чу Лян, ты щенок, что ли? Нет, погоди, скорее уж Небесная Собака Эрлана.

Вспомнив не самую симпатичную собаку из Путешествия на Запад, он тихонько хихикнул про себя.

— Эрлан-шэнь, поболтаешь со мной? — после того откровенного разговора с Цзоу Каем у Чу Ляна на сердце остался какой-то скребущий осадок. Он понимал, что сколько ни ломай голову, вслух этого не произнесешь. И хотя Цзоу Кай ничего особенного не сказал, мальчик отчетливо видел в его глазах затаенную горечь и неразбавленную, тяжелую грусть.

— Тяф-тяф, ну-ка дай лапу, голос подай! — ради шутки Чу Фань пару раз щелкнул языком.

Чу Лян закатил глаза, разжал руки, обнимавшие Чу Фаня, и без сил рухнул спиной на кровать:

— Кончай дурью маяться.

Чу Фань повалился рядом, закинув руки за голову:

— Хе-хе, я так стресс снимаю. Мне уже кажется, что во сне у всех этих задач отрастают ноги и они гонятся за мной, как злые духи.

Он скосил глаза на Чу Ляна: паршивец с каждым днем все больше мужал. Не удержавшись, Чу Фань снова ущипнул его за щеку.

— Сам дурак, не умеешь совмещать труд и отдых, — Чу Лян повернулся на бок. Чу Фань заметно осунулся, судя по всему, эта зубрежка вымотала его до предела.

Чу Фань и сам не прочь был чередовать учебу с отдыхом, вот только самодисциплина у него хромала на обе ноги. Чу Лян мог день за днем, в любую погоду вставать на пробежку и, почти не открывая учебников, брать первое место в параллели по итогам семестра. Сам же Чу Фань на такое был не способен: стоило ему высунуть нос за калитку, как возвращаться обратно не

хотелось вовсе. До чего же тоскливая жизнь.

— Братец, — видя, что Чу Фань молчит, снова позвал Чу Лян.

— Живой я, живой.

— Бра... а у тебя есть тот, кто нравится? — Чу Лян не знал, как выразить свои мысли, и колебался, чувствуя себя до ужаса робко.

Чу Фань уставился в потолок, прикидывая варианты:

— Нравится? Мама с папой, ты, ну еще дедушка с бабушкой.

Чу Лян огорченно насупился — он же спрашивал совсем о другом!

— Я в том смысле... кто нравится так, как Дэн Юй любит Чжан Мэнмэн? У тебя есть кто-то на примете? Ву Ли, например, считается?

— Ты вообще о чем? Не мели чепухи... Ох, ладно, некогда мне с тобой болтать, надо дальше эти страницы дорешивать.

Чу Фань и сам толком не понимал. Нравится кто-то? Если так, чтобы как у Дэн Юй к Чжан Мэнмэн, то вроде бы никаких особых чувств ни к кому он не испытывал. К Ву Ли он относился нормально, просто считал ее хорошей девчонкой.

Чу Лян поджал губы. Расплывчатый ответ Чу Фаня оставлял на душе липкое чувство тревоги: неужели Чу Фань и впрямь равнодушен к Ву Ли?

(Простите Нянь-нянь, я правда не со зла! Завтра в четыре утра вставать, пойду прилягу. Чмок-чмок всех, после десятого числа режим восстановится. В эти дни вырубаюсь не позже десяти, утром вставать до светла, эх, закрутилась... Стоит присесть, как зеваю во весь рот, глаза на мокром месте, вылитый побитый щенок.)

На церемонии открытия у Чу Ляна слипались глаза, а в голове стоял тяжелый гул — всю ночь он думал о словах Чу Фаня. Кое-как дождавшись конца линейки, он, уткнувшись носом в грудь, поплелся в класс, но на полпути кто-то хлопнул его по плечу. По привычке сделав резкий залом назад, он услышал знакомый вопль боли.

— Пэй Линь? Это ты? — обернувшись, Чу Лян увидел скалящегося Пэй Линя. После перевода они виделись крайне редко: учебные корпуса располагались отдельно, да и отпускали Пэй Линя раньше.

Пэй Линь ткнул пальцем сначала в себя, а потом в сторону пятиклассников:

— Я теперь в твоем классе учился... то есть учусь!

Пэй Линь давно хотел отыскать Чу Ляна, но всё никак не подворачивался случай. Если он изредка и замечал его на улице, то лишь сидящим на багажнике велосипеда Чу Фаня.

В одном классе? Чу Лян опешил. Хотя он в толк не мог взять, каким образом парень, чьи оценки болтались в самом хвосте рейтинга, вдруг перепрыгнул через класс, но болтавший без умолку у него за спиной субъект был вполне реальным Пэй Линем. Сам Чу Лян никаких эмоций по поводу соседа по парте не испытывал, кроме разве что легкой усталости от его трескотни.

Чу Лян всегда отличался тихим нравом, а с недавним скачком роста он сел за третью парту. Сидевшая впереди Ли Тяньтянь то и дело оборачивалась к нему, а бросив взгляд в сторону, можно было заметить ухмыляющегося Пэй Линя.

Чу Фань в поте лица пахал дни напролет, пытаясь подготовиться к поступлению в первую школу, и даже по вечерам переписывал упражнения.

— Крупа, иди домой первый, я еще застрял тут ненадолго, — улучив момент, пока учитель ушел в учительскую за пачкой бумаг, Чу Фань высунулся из-за перил лестничной клетки. — Давай на велосипеде езжай.

Чу Лян ткнул пальцем себе в лоб, намекая, чтобы тот был осторожнее и не вписался в перила:

— Я пешком дойду, занимайся давай.

Похоже, кто-то окликнул Чу Фаня — тот расплылся в улыбке и вихрем взбежал обратно наверх. Чу Лян задержал взгляд на пустом месте, где только что стоял старший. Голос, звавший Чу Фаня под предлогом прихода учителя, принадлежал Ву Ли.

— Сходим вместе? В книжный заглянем? — Пэй Линь смутно догадывался, что Чу Лян любит почитать, и решил зайти издалека. Не дождавшись никакой реакции, он добавил: — Недалеко от школы открылся книжный магазин, довольно крупный. После уроков туда бегают полно ребят, литература на любой вкус.

Чу Лян отвел глаза. На сердце снова заскреблось: неужели после уроков Чу Фань идет домой именно с Ву Ли? Прозвище парочки — женушка Чу Фаня — прилипло к ним еще с прошлого семестра.

Пэй Линь привел Чу Ляна в книжный, и тот действительно оказался огромным, двухэтажным: боевые искусства, любовные романы, классика, манга, кулинария, флористика...